

Дмитрий Михайлов Избавитель

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635323
Дмитрий Михайлов Избавитель: ООО «Написано пером»; СПб; 2015
ISBN 978-5-00071-355-6

Аннотация

С детства отец Василий владеет уникальным даром: его молитвы обладают необычайной силой и почти всегда исполняются. Однако они не могут избавить от несчастий все человечество, и это сильно удручает священника. Но однажды к нему является беглец из Ада и предлагает сделку: человечество получит жизнь полную благоденствия, но Василий должен будет занять его место в Преисподней...

Содержание

Глава I	5
Глава II	6
Глава III	9
Глава IV	13
Глава V	16
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Михайлов

Избавитель

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Дмитрий Михайлов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

Глава I

Черда землетрясений пронеслась по Юго-Восточной Азии. Это было невиданное по масштабам стихийное бедствие, обрушившееся на Землю. Всего за несколько часов сокрушительное землетрясение, всколыхнувшее Суматру, по принципу домино породило дюжину своих близнецов на севере и на востоке. Мощнейшие толчки разрушили все от Южного Китая до острова Тимор. Несколько крупных островов раскололись, несколько мелких – опустилось под воду, а вместо них появились новые (пока безымянные) участки суши. Вслед за землетрясением пришли гигантские волны цунами, пожравшие все, что еще уцелело. Большинство прибрежных городов были стерты с лица земли, и лишь вдали от береговой линии сохранились полуразрушенные населенные пункты.

Под ударом оказался один из самых густонаселенных участков планеты, и весь мир мгновенно отреагировал. Отовсюду начали стягиваться спасательные отряды. Подобно муравьям спасатели в разноцветных формах сновали по развалинам, извлекая погребенных стихией, помогая больным и раненым. Грузовики в сопровождении местной полиции и солдат то и дело подвозили к лагерям продовольствие, воду и вещи первой необходимости. Был там спасательный отряд и из России.

Особым членом отряда МЧС был молодой священник Василий. Его включение туда было загадкой для многих. Особенно странным моментом во всем этом был тот факт, что за святого отца ратовал сам митрополит Московский: он настоятельно рекомендовал взять отца Василия министру, причем непременно выслать его с первой же спасательной группой. Иерарх туманно объяснял это неким даром священника, который обязательно поможет спасателям получить особую Божью помощь в своем благом деле.

Глава II

Все началось в раннем Васином детстве. Его отца поразил рак. Этот факт тщательно от него скрывали, а сам мальчик был слишком мал, чтобы что-то понять... Но когда Васе исполнилось шесть лет, отца госпитализировали. Вася очень скучал по нему и не понимал, почему папа так долго лежит в больнице, почему его не выписывают, почему мама не хочет брать мальчика с собой и почему после визитов к отцу она возвращается заплаканная.

К весне отец, наконец, вернулся, но его возвращение стало для Васи еще большей травмой. Вид облысевшего, ослабевшего и сильно истощенного отца с тоскливыми уставшими глазами – того самого отца, который легко подбрасывал его прежде к потолку, крутил вокруг себя и вообще был воплощением силы и жизнерадостности – эти радикальные изменения поразили Василия. Но еще более тяжелым открытием для мальчика стали изменения в поведении отца: отец редко вставал с постели, его часто рвало, а во время приступов он кричал, стонал и осыпал мать бранью. Жизнь Васи сильно изменилась, он замкнулся, стал малоразговорчивым, дерганым и часто впадал в истерику. Он не знал, что происходит с отцом, но понимал, что что-то нехорошее.

Отца отправили домой умирать. Ни «химия», ни лучевая терапия не дали нужного результата, болезнь прогрессировала быстро, уверенно, не идя ни на какие компромиссы с медициной. Врачи давали мужчине всего три месяца.

Однажды измученная мать в сердцах произнесла: «Господи, скорей бы он умер, ни себя, ни нас не мучил бы». Васю потрясла эта фраза, жизнь в его представлении все еще была удивительнейшей штукой, непрерывной чередой открытий и интересных вещей, лишь изредка омрачаемая преходящими неприятностями. Но мама не могла это сказать просто так, значит, он чего-то не знает.

И отныне, когда разговоры взрослых заходили об отце (а это можно было понять по смене интонации говорящего), Вася немедленно забрасывал любое занятие и, приоткрыв рот, следил за беседой, переводя взгляд от одного говорившего к другому. Большая часть сказанного была непонятна, но тем сильнее он хватывался за каждое слово, и тем упорнее на основе этих обрывков пытался выстроить и домыслить картину целиком.

Рак. Странная болезнь. Васе представлялся большущий речной рак, который сидит у папы в животе и своими клешнями откусывает по кусочку от его тела. Но как рак может попасть в человека? Может быть, папа случайно проглотил его, когда купался в реке? Тогда почему это чудовище нельзя просто вытащить? Возможно, рак отбивается клешнями? А, может, там и не один большой рак, а много мелких. Они расплозились по телу, и их нельзя удалить, потому что они маленькие и их много? Много было непонятно маленькому Васе, но взрослые не объясняли ему ничего. Напротив, как только мальчик задавал вопрос, мать отвечала ему размыто и старалась сразу же переключиться на другую тему, а если мальчик не отставал – раздражалась и даже кричала.

День ото дня положение отца становилось все хуже, и мать, дабы не усугублять психическое состояние ребенка, с наступлением лета отправила сына к свекрови в деревню в соседнюю область.

Васе у бабушки не понравилось сразу: его разлучили с родителями и друзьями, а бабушка – располневшая, с искривленными артритом ногами, и оттого передвигавшаяся медленно, вразвалку с побряхтыванием – своим видом вызывала у него сострадание. К тому же Вася был единственным её внуком, и бабушка окружила его такой заботой, что со стороны могло показаться, будто угроза нависла над самим мальчиком.

Ему было не по душе здесь всё, и каждый день он находил новые вещи, которые ему не нравились. Не полюбился Васе деревенский дом – почерневший от старости засыпной

сруб, из-под которого вечно высыпались истлевшие опилки. Не понравился бабушкин цепной пес Басурман, живший в будке недалеко от крыльца и не переносивший мальчика на дух. Когда вечером бабушка спускала пса с цепи, для Васи начинался «комендантский час», и это тоже ему не нравилось. Не нравились деревенские мальчишки, казавшиеся ему грубыми и не принимавшие городского гостя в свою команду. Не нравилась мелкая речушка, в которой нельзя было ни искупаться, ни рыбу половить. Не нравились петухи и гуси, которые беспрерывно галдели и тоже не жаловали мальчика. Не нравилось отсутствие горячей воды, особенно по утрам, когда приходилось умываться остывшей за ночь. Не нравились дожди, превращавшие всё в грязь и наводившие тоску и уныние. Не нравилось солнце, которое палило и оживляло мошек и мух, которые ему тоже очень не нравились. Не нравилось отсутствие обычных развлечений, не нравился бабушкин черно-белый, ещё ламповый телевизор, который почти не показывал, да к тому же долго разогревался и гудел. Не нравились бабушкины знакомые, в основном такие же пожилые и больные женщины, разговаривающие не так, как в городе, на темы малоинтересные и малопонятные Васе. Не нравился огород, поскольку в начале лета на нем нечем было поживиться, а работа была для Васи непривычной, нудной и бессмысленной. Впрочем, одиночество и безделье ему нравились еще меньше.

В противовес этому Вася вспоминал свою жизнь дома. Представлял, словно там его ждет здоровый отец и все по-старому. И от этого он ненавидел деревню еще сильнее. Но время шло и однажды, когда мальчик и бабушка сидели за вечерним чаем, Вася вспомнил мамины слова и спросил:

– Бабушка, а что происходит, когда человек умирает?

Бабушка вздрогнула (она тоже в этот момент думала о сыне), собралась с мыслями и, решив, что самое время подготовить внука к смерти отца, начала спокойным, умиротворенным и немного загадочным голосом рассказывать о жизни и смерти. Начала она с того, что у человека есть душа, и когда люди умирают, эта самая душа поднимается высоко-высоко в небо на облака, а там уже живет вечно и счастливо, и больше не умирает и не болеет.

Тут бабушка прикрыла рот ладонью и мелко задрожала, изредка всхлипывая. По ее щекам текли крупные слезы, и Вася недоумевал: как можно плакать, когда говоришь о таких хороших вещах?

Несколько минут он обдумывал услышанное, а затем, когда бабушка успокоилась, пристал к ней с расспросами о жизни на облаках. Вопросы его носили чисто прикладной характер: «На каком облаке они живут? А можно ли их увидеть с земли? А в телескоп? А в самый-самый сильный телескоп? А можно ли к ним залезть? А прилететь на самолете? А на ракете? Могут ли они спуститься на землю? А что будет, если пойдет дождь и все облако выльется на землю?»

Этот бесконечный поток вопросов, на которые нужно было придумывать ответы, выкручиваться, быстро ее утомил, и она начала отвечать односложно, с небольшим раздражением.

– А если у них закончится еда, они сюда спустятся?

– Там не может закончиться еда.

– А что-нибудь другое?

– У них всё есть.

– Всё-всё?

– Всё!

– Всё, что захотят?

– Всё, что захотят.

Вася замолчал: действительно, если у них есть всё, то какое им дело до Земли? Неужели папе будет так же всё равно без него и мамы?

И всё же, несмотря на непонятное поведение бабушки, разговор этот значительно ободрил мальчика, и вечером, уже лёжа в кровати, он пообещал себе, что когда вырастет, то непременно сделает что-нибудь такое, чтобы на Земле было как на Небе, и все души вернулись назад, больше не уходили и не болели.

На ту пору в деревне полным ходом шло восстановление полуразрушенной церкви, начавшееся ещё прошлой весной. Приезд священника тогда взбудоражил умы и расшевелил местную монотонную жизнь. Религиозность населения резко возрастала, и с окончанием посевной каждый старался поучаствовать в реставрации храма. Правда, денег на капитальный ремонт не было, и потому всё ограничилось легким косметическим ремонтом, а к зиме прекратился и он. Так что к нынешнему лету полным ходом восстановление шло разве что только в умах местных жителей.

Не было ничего странного, что после вечернего разговора бабушка решила сразу же окрестить внука.

Церковь не произвела на Васю впечатления – ни хорошего, ни плохого. Внутренняя убогость храма, при всех стараниях прихожан, соответствовала внешней разрухе. Обскобленные стены лишь за аналоем были украшены тремя небольшими почерневшими деревянными иконами. Сам аналой тоже был деревянный и покрыт тусклой золотой краской. Протекавший, местами обвалившийся потолок прикрывали доски, а там, где это не спасало от осадков, на строительных лесах был устроен пленочный навес, от которого вода отводилась по желобу из соединённых меж собой пластиковых бутылок в большую железную бочку у стены.

По храму деловито расхаживал бородатый печник в старом сером пиджачишке, в старых спортивных трико, заправленных в такие же старые сапоги. За ним покорно следовала худая фигура священника, с грустью следившего за гвоздем, которым печник водил от одной трещины к другой.

– Вон, тут тоже. Вон, наверху, вишь? Трещина, во-он, нет, правее.

– Так она небольшая, ее замазать...

– Э, замазать! Вишь, она как идет? Ее замажешь, а она как потом дальше пойдет, так полстены обвалится. А вот здесь до самого низу менять надо. Вот, смотри. Вот. Вот, – и старик начал бить кулаком по стене. Стена на это никак не реагировала, но по замыслу удары должны были показать, что ветхая кладка готова разрушиться прямо сейчас.

– Так это сколько кирпича надо! – впал в уныние священник. Он пригласил печника оценить, во сколько обойдётся восстановление барабана церкви и придела, а выходило, что нужно было перестраивать чуть ли не всё здание.

– Ну, так, а что делать? Вот смотри. Здесь тоже, – старик сел на корточки и начал у самого пола колупать гвоздем кирпич – кирпич крошился. – Во, во. Сто лет с ней ничего не делали.

– Понятно, – прискорбно вздохнул священник.

– Тут затягивать нельзя, а то того и гляди рухнет, – важно заключил старик, и священник в ответ лишь грустно кивнул головой.

Когда печник ушел, к священнику осторожно подошла бабушка и тихо обратилась, как бы стыдясь, что в этот момент пристает к святому отцу с такой мелкой просьбой.

– Батюшка, а, батюшка.

Священник встрепенулся.

– Батюшка, внучка хотела окрестить.

– А? Да, да, – рассеяно ответил батюшка.

Глава III

С этого момента началось то удивительное, что определило всю дальнейшую жизнь Васи. С энтузиазмом фанатика он всецело погрузился в религию, посещал все службы, читал по складам Библию, то и дело дергая бабушку за разъяснениями, и настойчиво, настойчиво, настойчиво молил Бога об исцелении отца и искренне верил, что тот непременно слышит его. Долго ждать не пришлось: через несколько дней пришли вести, что отцу внезапно стало значительно лучше! Он начал есть и даже пытается вставать с кровати!

Жизнь мальчика расцвела, как цветочное поле. Отныне о чем бы он ни просил, за какое бы дело ни брался, все свершалось наилучшим образом. Даже одного его присутствия было достаточно, чтобы проблемы решались сами собой. Бабушкины ноги впервые за много лет перестали её беспокоить, да и подруги заметили, что после посещения дома Павловны отступала любая хворь, а настроение улучшалось. Басурман больше не лаял на мальчика, а как щенок с визгом бросался к нему, вертелся под ногами и ласкался.

Выпросив лопату, Вася вырыл на краю речушки небольшую заводь. Деревенские пацаны смотрели на эту затею скептически и даже посмеивались над ним, поскольку, наученные опытом, знали, что любой искусственный водоем здесь быстро затягивается песком. Однако крохотный бассейн не мелел две недели. Потом они его расширили, и эта совместная работа сблизила Васю с деревенскими.

Для церкви из соседнего хозяйства привезли оставшиеся от строительства фермы кирпичи. Перепродать их сразу не удалось, поэтому вывезли на двух самосвалах и просто выгрузили недалеко от храма. Для полного ремонта здания, конечно, этого не хватало (тем более, что половину растаскали по подворьям), но реставрация началась, а к концу лета удалось раздобыть еще кирпичей и кровельного железа на купол.

И так было во всем.

Постепенно жизнь в деревне открылась Васе другой стороной. Бабушкин дом приятно пах и было здорово, что в нем была настоящая печка – смесь русской и голландской – и что ее надо было топить. Можно было наблюдать за огнем и подбрасывать поленья. А когда приходили гости – залезть на нее и спрятаться, незаметно выглядывая из-за занавески или занимаясь там своими делами. Прохладная вода по утрам бодрила его. Умываясь, он громко фыркал, кричал и брызгался во все стороны. Дневное солнце заряжало его задором и оптимизмом, а если оно начинало припекать не на шутку, то можно было спрятаться под деревом и наблюдать за многочисленными букашками. А можно было идти к заводу. Деревенские мальчишки оказались хорошими ребятами, они знали много интересных мест, вещей и игр и этим богатством теперь охотно делились с Васей. Работа в огороде уже не казалась бессмысленной, а даже имела целый ряд приятных моментов. Если случался дождь, можно было сидеть на крыльце и, предаваясь покою, кутаться в свитер, смотреть на ручьи и пузырящиеся лужи. Но еще приятнее было засыпать под дождь, слушая, как он барабанит по крыше и стеклам, то утихая, то резко усиливаясь. А еще у бабушки был самовар, пусть электрический, но так здорово бывало вечером налить из него в блюдце чая, обмакнуть кусок сахара и обсосать, а потом швыркнуть из этого блюдца, чтобы бабушка заругалась, и, посмотрев в окно, увидеть, как в него бьется мотылек, услышать далекий лай собаки.

В деревне Вася пробыл до самой осени, а по возвращении домой вновь окунулся в свою обычную жизнь городского мальчика. Даже приобретенную религиозность он оставил там у бабушки, не потому, что забыл или разуверился в Боге, отнюдь. Просто он считал свою веру таким же атрибутом сельской жизни, как коров и кур. Ему даже в голову не приходило, что и в городе можно также молиться, посещать церковь, читать Библию.

Возможно, поэтому, а, может, по какой другой причине, но с наступлением зимы болезнь вернулась к отцу и стала прогрессировать еще быстрее, чем раньше. Вернулись крики, стоны, но теперь уже с более выраженным отчаянием и усталостью у всех членов семьи. Новый этап болезни отца Вася воспринял более осознанно и оттого более остро. Он уже имел четкое представление о болезни, ее развитии и о том, какое оно оказывает влияние на больного. Крики отца вызывали у него теперь не недоумение, а сострадание, причем сострадание такое сильное, что он готов был сам болеть раком, лишь бы его отец меньше мучился.

Чуда больше не случилось, и отец сгорел как свеча за три месяца.

На похоронах сына была и Васина бабушка. Лицо у нее было раскрасневшееся от плача. Во время прощания она сидела на табуретке у изголовья гроба, поглаживала своего почившего сына по голове и, прикрывая рот краешком шерстяного платка, в перерывах между всхлипами, негромко отчитывала свою невестку за то, что не уберегла мужа, не уследила за ним, запустила болезнь, все о себе заботилась. Претензии были несправедливыми, но невестка не оправдывалась и вовсе не отвечала. Болезнь мужа опустошила ее душу настолько, что она стояла в глубокой, но спокойной и строгой скорби. Свекровь воспринимала это как равнодушие и рыдала еще сильнее.

На Васю сам ритуал произвел ужасающее впечатление: такое обилие скорбящих женщин, причитавших и ревущих во все свое хоровое многоголосие, воспринималось им как вершина человеческого страдания. Ничего подобного до этого он не видел. Оказалось, что также, как для него, смерть отца оказалась трагедией для множества женщин и мужчин, большинство из которых Вася видел впервые. От этого скорбь мальчика лишь умножалась. Среди этой какофонии вздохов, всхлипов и причитаний спокойная фигура матери давала ему силы. Он взял ее за руку, и это ощущение руки близкого человека в его руке действовало на него, как ощущение суши под ногами для потерпевшего кораблекрушение. Вася смотрел на мать снизу вверх и внутренне недоумевал, почему она не скажет бабушке, что все, что она говорит – неправда, ведь бабушка ничего не знает.

– Ничего, Бог всё видит, – наконец, произнесла свекровь, как обычно говорят, потеряв всякую надежду добиться справедливости земными средствами.

«Бог». Как вставленный ключ, это слово повернуло и выпустило на свободу ту, казалось бы, очевидную и в то же время до этого легко ускользавшую от него мысль, что временному облегчению отца Вася был обязан именно молитве.

У него вновь вернулся в религию, и вместе с этим вернулся и его дар, но больше он не приносил ему той радости, как это было в деревне. Способности, которые бы осчастливили многих, стали для него тяжким грузом. Память о смерти отца, как несмыаемый грех, требовала от него помогать любому, кто имел хоть малейшую нужду или стеснение. Сделала его особенно чувствительным к чужим неприятностям, будь то болезнь, травма, боль или просто усталость. Он раскрывал свое сердце для чужих страданий так широко, что они начинали мучить его иной раз еще сильнее, чем самого страдальца. Жалобно мяукающий котёнок, голубь с отмороженными на лапках пальцами, тощая собака, роющийся в мусорном баке бомж или человек на инвалидном кресле – от такого зрелища он запросто мог потерять сон и беспощадно корить себя, что делает недостаточно.

Василий постоянно находился в состоянии тревоги и напряжения, боясь пропустить хоть одного нуждавшегося, и не позволял потратить ни одной минуты на собственное удовольствие. Он непрерывно творил молитвы или помогал в делах собственным участием. Это очень сильно утомляло его, но чувство долга даже не допускало мысли о каких-либо поблажках. Удивительно, но, казалось бы, несложный и необременительный труд – молитва – отнимал у него столько душевных сил, столько переживаний Василий вкладывал в каждую

молитву, в каждый поклон, что часто у него не оставалось ни сил, ни желания порадоваться исцеленному – была только душевная пустота.

Но сколько бы он ни старался, бед в мире меньше не становилось. И чем больше он вырослел, тем сильнее росло его разочарование. Иногда ему казалось, что он пытается вычерпать ложкой океан. Сколько вокруг него страданий, а сколько их будет после? Все чаще он приходил к мысли, что дар ему дан не для простого целительства, а для чего-то одного, но значительного, великого, сразу для всего человечества. Но для чего? Он мог молитвой исцелить любую болезнь, избавить от беды, вернуть пропавшего человека, улучшить дела, но все это касалось судеб конкретных людей. Молитвы же за все человечество оставались без ответа.

Вася отказался от развлечений. Непозволительно получать удовольствия в то время, как другие страдают. Он ушел в себя, и к завершению школы уже ничто, что обычно любят люди, не доставляло ему особой радости: ни общение, ни вечеринки, ни кино, ни танцы, ни девушки, ни еда, ни компьютерные игры. Он не находил в них никакого смысла – всё ему казалось пустым и неинтересным. За замкнутость и отчужденность одноклассники, решив, что он просто зазнался, окрестили Василия «Божком». Как часто люди носят не свои имена...

Жизнь в его понимании была лишь чередой страданий. Он не любил её и не представлял, как люди вообще могут считать это великим даром.

Вся его радость, все его богатство заключались в мечтах, в мысленной сфере. Но даже там он не думал о привычных радостях. Он думал о Покое. В мечтах он часто уединялся в лесу, подобно Сергию Радонежскому. Там он обитал в землянке, трудился, молился и делил хлеб с медведем. Быть может, он бы умер там: замерз или погиб от лап этого медведя. Все это было неважно.

Еще были облака. Василий очень любил смотреть или представлять большие белые кучевые облака в ярком освещении. Они его привлекали тем непоколебимым покоем и медлительностью, с которыми не мог совладать даже самый могучий ветер. Вася мысленно пытался представить их истинные размеры и приходил в восторг, осознавая, что вот между этими ослепительно белоснежными гребнями – километры, а эта резко вздымающаяся стена наверняка выше самого высокого небоскреба. Затем он представлял себя на этом облаке и от этого приходил в еще больший восторг. Эта спокойная медлительная махина внушала ему такое умиротворение, по сравнению с которым казались мелкими все проблемы, беды и даже само время.

Он никогда не представлял Рая. Не потому, что считал себя недостойным его, а потому что не мог его представить. Странно человеческое воображение: нам легче вообразить Ад во всех его подробностях, чем нарисовать образы Рая. И даже гений Данте, описывая его, не создал картин, которые бы соблазнили читателя немедленно перенестись туда. Обычно мы представляем сады, чистое небо, прекрасных людей в белых одеждах, красивое пение, смеющихся детей... Но всех ли устроит этот рай? И были бы вы счастливы, бесцельно блуждая по этому миру неделю? Месяц? Год? ВЕЧНОСТЬ? В таких случаях авторы вынуждены добавлять: в Раю души находятся в Свете Божественной Славы и всегда чувствуют неопишное блаженство. Вот так: будет хорошо и баста! И ведь никому не приходит в голову убеждать читателя, что если тебя будут варить в кипящей сере вечно, то тебе всегда будет очень плохо. Оттого ли это, что нам проще представить, что может причинять нам вечные страдания, чем то, что может всем нам доставлять вечное удовольствие?

По завершению школы Василий поступил в духовную семинарию. Выбор этот был хорошо продуман и совершенно естественен для него.

Во-первых, Василий был уверен, что ответы на все вопросы он может получить лишь в религии. Во-вторых, он боялся вновь потерять дар, отдалившись от веры, но не из-за любви

к нему, а потому, что чувствовал свою ответственность за этот дар перед людьми и Богом. В-третьих, работа священника, по его мнению, как раз и заключалась в том, чтобы помогать нуждающимся, и в будущем ему не придется отрываться от основной профессии, чтобы выслушать больного или помолиться за погорельца.

Примерно это, а также добавив свои соображения о своем Предназначении (будь оно неладно!), Вася изложил в сочинении «Почему я хочу учиться в семинарии?» при поступлении в оное заведение.

Глава IV

Накануне собеседования епископ Андроник – ректор семинарии – как обычно выделит полдня для подробного и обстоятельного изучения документов абитуриентов. Первое впечатление, какое сложилось у него после прочтения сочинения Василия – молодой человек болен и очень серьезно. Болен, пожалуй, одной из самых опасных духовных болезней – гордыней.

Епископ поморщился, но тут же вспомнил себя в молодости и устыдился. Тогда в давние советские времена, когда он еще не был епископом, а просто верующим юношей, жил в рабочем бараке рабочего района. И в этом царстве скандалов, пьянства и склок он считал себя все равно, что Лотом в Содоме. Он молился за души заблудших соседей, а сам, в глубине души, мнил себя равным апостолу Павлу. Андроник снова поморщился, но уже из-за себя, перекрестился и, тяжело вздохнув, в очередной раз взял рекомендацию приходского священника. Рекомендация вся была пропитана нескрываемым восхищением способностями парня. Пресвитер писал, что сам не верил словам, но был свидетелем многих чудес, свершаемых молитвами Василия. Так же он характеризовал рекомендуемого, как образованного, умного и чрезвычайно сострадательного молодого человека.

Ректор читал без очков, держа лист на вытянутых руках. К словам этим он отнесся в высшей степени скептически, однако все заключения он привык делать с большой осторожностью.

«Ну... Бог знает, – подумал он, наконец, после минутного размышления. – Завтра увидим».

Настало завтра. Обычно Андроник любил встречаться с абитуриентами, но нынешний день был несколько омрачен ожиданием встречи с Василием. Мысль эта подспудно портила настроение ректору, но он не мог объяснить, почему не хочет встречаться с ним. Возможно, Андроник боялся, что парень действительно окажется высокомерным, а то и надменным, с напускной кротостью. Такому следовало бы отказать в поступлении, а епископ очень не любил отказывать. Но, размышляя над этой мыслью, Андроник заключил, что не одна она была причиной плохого настроения: какая-то таинственная догадка говорила, что решение по Василию может стать очень важным не только для одного мальчика, но и для всех людей.

Василия Андроник встретил стоя, с мягким приветливым взглядом, как встречал всех, кто входил в его кабинет. Пригласив сесть, епископ неторопливо прошелся к полке с книгами, зачем-то осмотрел обложки, а затем вернулся к своему столу, тщательно обдумывая свои вопросы. Он взял сочинение Василия и снова внимательно начал его перечитывать, как будто за ночь там могло появиться что-то новое. Вася ждал.

– Вот Вы пишете, – размеренно начал Андроник, не отрывая глаз от сочинения, – что Господь, через Вашу молитву творит чудеса. И священник это ваш подтверждает.

Андроник вопросительно взглянул на Василия.

– Да, – коротко и сухо ответил Вася. За свою жизнь он уже тысячу раз рассказывал о своем даре, поэтому желания говорить на эту тему подробно еще раз не было.

– Ну, а, может быть, это не чудеса вовсе, – ректор снова посмотрел на парня пристально. – Бывают же совпадения?

Василий тяжело вздохнул, как будто говорил не о даре, а о хроническом заболевании.

– Это с детства у меня. Случаев уже много было, слишком много для совпадения.

Спокойствие и даже равнодушие, с которым говорил Василий, дало надежду епископу.

– Ага, – епископ снова задумался над следующим вопросом, уткнувшись в листы с сочинением.

– Ну, так, а почему же Вы решили сан принять? Это же большая ответственность. Принимали бы больных дома...

Василий повторил, что хочет посвятить всю жизнь служению людям, что религия дает силы его дару, и в заключении поделился своими соображениями о Высшем замысле Господа насчет его никчемной жизни. Андроник внимательно слушал его, причем больше уделяя внимания не словам, а поведению юноши. По мере приближения речи Васи к теме Высшего Предназначения голос мальчика становился более унылым. Ректор понял, что парень не гордится даром, а дар, каким бы он ни был, давит на него непосильным грузом.

– А что же Вы так грустно об этом говорите? Может, не от Бога Вам этот дар, а от Дьявола?

Вася посмотрел на епископа с удивлением.

– Ну, а что? «... часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла», – Андроник сделал короткую паузу, наблюдая за Василием. – Я не вижу, чтобы Вы испытывали благодать от этого дара, а ведь дела духа – это вера и любовь. А Вы унываете. А уныние – это смертный грех. Неужто Господь своей благодатью вводил бы Вас в него?

Прозорливый епископ снова замолчал, наблюдая за парнем – тот в ответ тоже молчал и смотрел на край стола, словно его ругали.

– Ну ладно, это шутка была. Прости меня, старого, – Андроник посчитал, что Василий обиделся и подошел к нему. – Не пытайся взвалить на себя тяжесть всего мира. Эта ноша тебе не по силам, она никому не по силам.

Он склонился над мальчиком и слегка потрепал его за плечо.

– Ничего, ничего, – успокаивал Андроник отеческим тоном. – И не тяготись тем, что тебе предстоит сделать: «Каждому дню довольно своих забот». Как бы ты не желал, не делаешь больше, чем отведено тебе Господом. Так что брось, не губи душу унынием, уж если Господь даст тебе назначение, от него же тебе будет и возможность, и сила. И не денешься ты от этого никуда. А пока просто делай, что должен.

Парень молчал и не поднимал глаз. Услышанные слова, с одной стороны, казались ему правильными и справедливыми, но одновременно неожиданными, так что он не мог вынести по ним своё суждение немедленно, сейчас они родили в нем только удивление и беспорядочный поток мыслей.

Василий поступил в семинарию и учился превосходно, выделяясь среди однокурсников, помимо дара, большим жизненным опытом. От работ и пения в хоре он, большей частью, освобождался и выполнял лишь тот минимум, который был необходим для понимания организации церковного богослужения. В основном же он занимался своими посетителями, поток которых теперь значительно возрос. Однако слава о нем, хоть и разнеслась в религиозных кругах по всей стране, но за пределы этих кругов не выходила: о Василии не снимались репортажи, не писались статьи, и обывателю его имя было совершенно неизвестно. Все его посетители узнавали о нем в основном от прежних посетителей да старушек, продававших свечи в церквях. И ехали к нему отовсюду!

Поисками своего Единственного Предназначения Василий себя уже не утомлял, однако и идей, что страдания – неотъемлемая и необходимая часть жизни, не проникся. Он принял ее, как аксиому, не требующую доказательств, не задумываясь над ней и не терзая тем себе душу. Возможно, именно по этой причине Василий вновь начал получать удовольствие от помощи другим. Жизнь обрела краски, конечно, не такие яркие как в детстве, но всё же приятные и запоминающиеся.

Он ждал специально отведенного времени и окрыленный спешил в выделенный для него кабинет в небольшом одноэтажном здании сразу за воротами семинарии. Проходил по узкому коридору, застеленному новым серым линолеумом, с небольшим окошком в конце, за которым густо росли деревья. В коридоре всегда было много народа, душно и сумрачно.

По обе стороны, как в поликлинике, на скамейках тесно сидели старушки в платках и рассказывали друг другу о своих бедах. Еще были женщины с капризничаящими детьми и мужчины, которые, напротив, вели себя тихо, словно стыдились, что пришли сюда. При появлении Василия они все привставали, начинали креститься и охать, называли его «благодетелем» или «отцом родным». Василий им смиренно улыбался, смущался, благодарил и быстро, насколько позволяло приличие, старался скрыться за дверью. И ему было хорошо. Он по-прежнему внимательно выслушивал нуждающихся и относился к их бедам с состраданием, но уже не болезненным, а полным решимости помочь, черпающим в этой решимости силы и удовлетворение.

Окончив обучение, Василий, по совету ректора, остался в семинарии преподавать апологетику, ибо так у него было больше свободного времени, чем, если бы пошел дьяконом в храм. В 30 лет он был рукоположен в священники, а через год произошло то страшное землетрясение, с которого и началось наше повествование.

Но, несмотря на личную просьбу патриарха, Василий попал на место катастрофы лишь спустя четыре дня после трагедии.

Глава V

Приземлившийся «Руслан» мгновенно окружили несколько грузовиков, и полсотни людей в камуфляже быстро, перекрикивая включенные двигатели, начали разгружать самолет.

Василий нерешительно спустился на взлетную полосу и, согнувшись под тяжестью сумки, которую он нес в левой руке, оглядываясь по сторонам, пошел между машинами. Ни во время полета, ни после никто не сказал ему, что делать по прибытии или куда следует идти. Руководство было занятым, серьезным, говорило громко, двигалось быстро и как будто нарочно игнорировало его. Рядовые спасатели, с которыми он прилетел, сейчас шустро разгружали транспорт, и им он бы только мешал.

Кругом, куда ни глянь, можно было увидеть или самолет, или грузовик, а людей в разных формах и различных цветов кожи вообще было несколько сотен. Василий и не ожидал, что аэродром окажется таким оживленным местом, но, как стало ясно позже, из всех аэродромов в округе работал только этот, и поэтому, не замирая ни на минуту, ночью и днем он принимал и отправлял десятки самолетов и вертолетов.

Вскоре его замешательство стало заметно, и к святому отцу подскочил один из грузчиков.

– Вы священник?

Василий утвердительно кивнул.

– Вам... – рев взлетающего «боинга» заглушил спасателя, но по жесту Василий понял, что ему следует идти к стоявшим в стороне двум офицерам, которые, разложив на капоте Хантера бумаги, внимательно изучали их.

Заметив, что к ним приближается священник, они отложили свое занятие и внимательно и молча смотрели на него, пока Василий не подошел.

– Отец Василий? – первым протянул руку один из них – невысокий плотный мужчина с немного смуглым лицом и пышными усами.

Офицер еще раз осмотрел священника и уже после этого представился обрывистыми фразами, выдерживая небольшие паузы:

– Полковник Балкин. Алексей Георгиевич. Руководитель миссии. А это мой зам, – указал полковник на стоявшего рядом угрюмого спасателя среднего роста. Тот, приветствуя, слегка кивнул головой. – Подполковник Исаков Александр Львович. Прошу любить и жаловать. Да поставьте Вы свою сумку! Сейчас загрузимся и поедem. Покажу вам ваше хозяйство и заодно с нашим познакомлю.

По лицу было видно, что полковник не особенно рад встрече. «Вот еще с ним возиться, – наверное, думал он, глядя на согнутую вбок фигуру молодого человека. – Задолбает своими просьбами, лучше бы еще одного специалиста прислали». Подполковник, похоже, думал то же самое.

Балкин оказался человеком немногословным, размеренным и как будто даже равнодушным. Когда ему докладывали, он слушал отстранено, словно всё это его не касалось. Свои решения обычно обдумывал долго и понапрасну не суетился, но, случись экстренная ситуация, он преображался до неузнаваемости: живой и активный, сходу вникал в ситуацию, мгновенно выдавал тысячу правильных и дальновидных распоряжений и своей уверенностью заражал подчиненных. Как купец или кулак, он знал всё «свое хозяйство» до последнего гвоздика и был в курсе, как этим распорядиться наиболее эффективно. Словом, для своей должности он подходил очень кстати.

Похожим на Балкина оказался и подполковник Исаков – человек среднего роста с широким и высоким плоским лбом, прямыми черными бровями, которые почти соединились

над носом в одну линию, отчего его лицо визуально делилось на две равные части: лоб и всё остальное. Брови же, вкупе с глубоко посаженными глазами, придавали ему ещё более угрюмый вид. Так же, как и полковник, он, молча и без эмоций, выслушивал собеседника, но таким неторопливо деятельным и угрюмым Александр Львович был всегда: и в спокойное время, и в критические моменты.

Святой отец отошел в сторону и стал осматриваться. Смотреть, собственно, было не на что: вокруг были только самолеты, ящики, техника, люди и только вдали – холмы и горы, частично сливавшиеся с тучами. Под ногами на взлетной полосе ещё были видны следы наносов песка с примесью водорослей и мелких ракушек, в стороне лежало несколько поваленных деревьев – океан был недалеко, и, видимо, волна цунами докатилась и досюда.

Тогда Василий стал представлять разрушенные города, куда ему предстояло отправиться, какая там царит атмосфера, и что он будет там делать. Новизна работы и неопределенность его положения имели в себе тот приятный момент, что предстоящее будущее он мог нарисовать себе каким угодно.

Когда «Руслан» был полностью разгружен, колонна МЧС двинулась вглубь материка. В узик, кроме самого Василия, водителя и Балкина со своим заместителем, сел еще главврач мобильного госпиталя – человек немолодой, в больших очках, но необычайно шептливой. Происходившее вокруг не оказывало на него никакого влияния: за свою жизнь он видел рядом с собой достаточно много страданий, чтобы свыкнуться с их присутствием.

Сначала колонна ехала по занесенной песком и обломками дороге среди поваленных, но еще не засохших деревьев. Затем дорога пошла вверх, и начались бескрайние сельскохозяйственные угодья. Глядя на эти яркие зеленые просторы, трудно было предположить, что здесь произошло что-то плохое, но стоило только колонне миновать их и въехать в город, двинуться сквозь стройные ряды мертвых остовов зданий и каменных холмов, некогда бывших домами, тихий ужас навалился на священника. И до этого отец Василий видел последствия катастроф, но только по телевидению. Сейчас же это было здесь, совсем рядом, и в реальности это оказалось ужасней во сто крат! Узик шел в голове колонны, так что обзору священника, сидевшего возле водителя, ничто не мешало.

Город напоминал обширную строительную свалку, среди которой иногда возвышались останки наиболее крепких и крупных зданий, частично уцелевшие золотые храмы и пагоды. Кругом была суета. Справа и слева от дороги то и дело на глаза попадались группы, состоявшие из спасателей, военных и гражданских, занятых разборкой обломков строений. Через открытые окна автомобиля временами уже проникал легкий запах разложения, и большинство рабочих имели либо марлевые повязки и респираторы, либо просто обвязывались платками или тряпками. В других местах бегали поисковые собаки, спешно, но внимательно исследуя руины.

Найденные тела складывали возле дороги в длинные ряды, накрывая их простынями, но чаще цветными, поблекшими от строительной пыли покрывалами, которые извлекали тут же, среди развалин, иногда прямо с жертвой. И если в деревянном пригороде жертв было немного, то ближе к центру улицы начинали напоминать поле битвы. Возле таких рядов всегда находилось несколько человек – одни разыскивали близких, заглядывая под покрывала, другие уже оплакивали мертвых. Мужчины стояли, опустив руки, иногда прикрывая рот рукой, и изредка наклонялись к погибшему, чтобы дотронуться до него. Женщины не скрывали своих эмоций. Они стояли на коленях перед телами и сотрясали воздух надрывным плачем, то запрокидывая головы и поднимая руки к небу, то обхватывая покойного, словно старались отнять его у смерти.

Вдали от поисковиков одиночки или небольшие группы людей в легких светлых рубашках с обернутой вокруг бедер тканью выискивали среди камней какое-нибудь полезное имущество, которое пригодилось бы им в лагере переселенцев. Здесь же можно было

увидеть легкие навесы, собранные из подручных материалов. Обитатели этих легких жилищ – те, кому не хватило места в лагерях – бродили здесь же, но, в отличие от первых, завидев колонну, бросались ей наперерез. Если «бездомных» (как их здесь называли) вдруг оказывалось слишком много, им иногда удавалось остановить грузовики. Тогда они облепляли машины со всех сторон и различными способами пытались раздобыть продовольствие. Как правило, это ограничивалось протянутыми руками и громкими мольбами, но кто-нибудь обязательно пытался заскочить в кузов и похитить, что подвернется под руку. Уже через мгновение вокруг грузовика собиралось столько народу, что оставалось только удивляться, как много людей находится среди руин. Крики, непрерывные сигналы грузовиков, ругань водителей и полицейских сливались в один гам, от которого начинали болеть уши и голова. С толпой оголодавших людей с трудом справлялась даже полиция, сопровождавшая колонну МЧС, и, если бы не она, половина груза была бы утеряна, даже несмотря на то, что это были медикаменты и донорская кровь.

В той же части города, которую уже успели обследовать, полноправно хозяйничали экскаваторы и бульдозеры, пронзая воздух рычанием и, словно маленькие вулканы, выбрасывая в воздух струи черного и серого дыма. Работа строительной созидательной техники здесь имела какой-то зловещий оттенок и казалась Василию порождением демонических сил, пожиривших остатки разрушенного города.

Большую часть города колонна быстро пересекла по специально расчищенной центральной улице, но ближе к концу её стали преграждать обломки зданий, смятые автомобили и глубокие еще не засыпанные трещины. Скоро этих преград стало так много, что грузовикам пришлось ехать не по прямой широкой дороге, а по узкой одноколейной тропинке, накапанной многочисленными предшественниками, ловко лавировавшей между препятствиями. Когда же завалы совсем перекрывали путь, тропинка сворачивала на соседние улочки и продолжала вилять между камнями и провалами уже там.

Работы в этой части города только начинались, спасатели встречались гораздо чаще, иногда разбор проводился прямо у дороги, загораживая техникой и без того узкий проезд.

Одна такая группа спасателей оживленно суетилась возле груды камней. Тут же стояла карета скорой помощи с распахнутыми дверцами. Ее пришлось объезжать с совсем уж черепашьей скоростью. Но благодаря этому Василию удалось увидеть, что все взоры участников устремлены на поваленную плиту, из-под которой вылезал спасатель и что-то тащил за собой. Двое коллег подстраховывали его, поддерживая плиту своими плечами, но своими спинами они закрывали весь обзор. Только когда уазик, подсакивая на камнях, проехал немного дальше, Василий увидел, что этим «чем-то» (или точнее «кем-то») оказался худой мужчина в светлой одежде. Он не двигался.

Автомобиль вернулся на колею и начал набирать скорость, а мужчина все не подавал признаков жизни. Василий повернулся, чтобы продолжить следить за происходящим, но делать это было с каждым метром все сложнее.

– Раненого достали, – прокомментировал заместитель, заметив любопытство священника и тоже обернувшись на секунду.

– Как думаете, жив? – спросил Василий, не отрывая взгляда.

– Жив, конечно. Из-за мертвого такую суету разводить не станут.

Он немного помолчал и добавил:

– Много легких построек. Поначалу так вообще погибших были единицы.

– А сейчас? Больше?

– Намного. Под завалами люди могут выжить только в течение первых трех суток. Обычно. Так что скоро такие случаи совсем редкостью станут. За всеми по-всякому не успеем.

Отец Василий посмотрел на офицеров, затем медленно повернулся и тихо вдавился в спинку своего кресла.

– Ничего! – по-отечески похлопал по плечу Василия врач. – Все путём будет. С нами теперь Бог. Верно говорю, батюшка?

Василий словно очнулся ото сна: в самом деле, не подобает слуге Господа так раскидывать.

– Господь всегда с тем, кто творит благое.

– Ну, вот вишь! – обрадовался врач и слегка толкнул в плечо Василия. – А я что говорю? Все будет путём!

Тем временем колонна миновала город и помчалась среди полей. Затем начался красивый невысокий лес с раскидистыми деревьями. Дорога бежала вдоль небольшой извилистой речушки, то приближаясь к её коричневым глинистым водам, то отдаляясь, когда река делала излучины. Но Василий не смотрел по сторонам, он погрузился в свои мысли.

Размышления длились, наверное, полчаса. За это время Василий не проронил ни слова, а спасатели сзади обсуждали дальнейшие планы, потом немного поговорили про местную природу и погоду, главврач рассказал забавный случай, который произошел с ним накануне, и снова разговор перекинулся на работу. Когда в салоне установилась тишина, Василий перегнулся через кресло и негромко, словно надеялся, что кроме него и полковника его никто не услышит, обратился к нему:

– Алексей... Извините.

– Георгиевич.

– Алексей Георгиевич, могу ли я быть Вам полезен... Ну, то есть, в свободное от службы время? На раскопках или хотя бы на кухне?

Балкин сделал вид, что удивился, но ответил сразу, видимо, он был готов к такому вопросу:

– На кухне у меня штат полный, а вообще... Вообще лишние руки нам не помешают.

Василий сел на свое место с облегчением от того ли, что нашел смелости задать это вопрос или оттого, что ему не отказали.

Потребовалось несколько часов, чтобы колонна, наконец, прибыла в палаточный лагерь МЧС, расположенный на окраине еще одного разрушенного города. Первое, что бросалось в глаза – это колючая проволока вокруг лагеря и самый настоящий блокпост на въезде с двумя солдатами. На окраине палаточного городка располагался склад, обнесенный высоким забором из бамбука и венчавшийся сверху колючей проволокой.

В центре базы спасателей стояла большая палатка – штаб, а рядом с ней – другая такая же, отведенная под полевую церковь. Возле палатки росло высокое раскидистое дерево с толстым стволом, и оно очень понравилось Василию. Слова главврача (Василий редко встречался с ним и, к своему стыду, до конца операции так и не узнал, как его зовут) оказали неожиданное вдохновляющее воздействие на него, а после разговора с полковником он был на гребне душевного подъема, полный надежд и стремления каждую секунду нести людям добро. В таком расположении духа ему нравилось определенно всё, и даже внешнему виду лагеря, больше похожему на концентрационный, он не придал значения.

Глава VI

С этого момента отец Василий стал полноправным членом спасательного отряда. С утра, отслужив положенные службы, он спешил в госпиталь или на руины, где помогал по мере своих возможностей. Еще до обеда проводил литургию и снова спешил туда, где была нужна его помощь.

Через день после прибытия на счету священника появился первый спасенный. Случилось это так.

В момент прекращения дождя, который редко переставал в это время, раздался протяжный громкий гудок – объявлялась минута тишины – особый момент времени, когда все работы прекращались, и спасатели прислушивались к звукам, доносящимся из-под завалов. Василий помогал растаскивать мусор, и этот гудок застал его с доской возле руин кирпичного дома. Как часто обычные люди, почитающие специалистов, стараются перевыполнить все данные им инструкции, так и священник тут же замер со своим грузом. Он стоял на груде битого кирпича, временами теряя равновесие, но боясь шелохнуться. Ему казалось, что даже дыхание его может помешать спасателям услышать спасительные для кого-нибудь звуки. И в этот момент, когда он сам превратился в слух, в нескольких метрах от него послышалось слабое шуршание. Василий прислушался – тишина. Затем звук повторился. Похоже, это не была крысиная возня! Василий аккуратно положил доску на землю и быстро, почти бесшумно, приблизился к источнику звука. Несколько секунд висела тишина, затем шорох послышался снова. Спешно убрав обломки кровли, он увидел кусок стены, а из-под нее то появлялась, то исчезала тонкая кисть.

Василий захотел позвать спасателей, но, вспомнив о минуте тишины, осекся и издал только короткое нечленораздельное «Э-э-э». Тогда он попытался самостоятельно приподнять стену, но в его движениях было много суеты и мало толка, однако именно эта суета и обратила внимание остальных. Подоспевшая помощь помогла разобрать завал, и их взору предстало тело хрупкого паренька лет шестнадцати-восемнадцати с маленькой головой и большим ртом. На нем была типичная для местных жителей юбка цвета хаки, желтая футболка и серо-синие резиновые шлепанцы. Почувствовав свежий воздух, паренек успокоился и закрыл глаза.

На следующий день Василий специально заглянул на минутку в госпиталь, захватив с собой все вкусное из своего пайка. Парень крепко спал.

– Ваш спасенный? – послышался вопрос из-за спины.

Василий обернулся – перед ним стоял врач и вытирал руки о полотенце. Василий утвердительно кивнул.

– Как он?

– Хорошо. Теперь его жизнь в безопасности. Шустрый парень: сегодня два раза с постели соскакивал, пришлось даже успокоительное дать.

Василий еще раз с отцовской улыбкой посмотрел на пациента, положил возле подушки гостинец и, выйдя из госпиталя, воздушным шагом полетел к разрушенному городу. И хоть на улице опять шел дождь, в душе у него сияло солнце и лилось пасхальное песнопение «Христос воскрес из мертвых...».

Он спешил помогать пострадавшим, этим замечательным людям, которыми он даже восхищался. Несмотря на перенесенные потрясения, они были доброжелательными. Трудности повседневной жизни еще до землетрясения сделали их крепче, устойчивее, чувствительнее друг к другу и иностранцам. Это только в первые дни город был поглощен хаосом и страданиями, но уже через неделю, глядя на жителей, можно было предположить, что разруха – это обычное явление в этой стране. Люди спокойно восстанавливали дома, но в

первую очередь – храмы и пагоды. И делали это с такой самоотдачей, что даже православный Василий считал бы за честь поучаствовать в восстановлении какой-нибудь буддистской святыни. Их души не были извращены попрошайничеством или иным вытягиванием денег из приезжих, пусть быт их был скромным, а порой и откровенно нищим. Быть может, окажись они на время в какой-нибудь процветающей стране, то и не смогли бы больше смотреть без слез на свою жизнь, но сейчас они принимали то, что давал им каждый день, а вечерами устраивали уличные игры, танцы, спектакли.

Василий каждый день посещал в госпитале своего «первенца» до тех пор, пока паренюха не выпишет. Дальнейшая его судьба Василию была неизвестна. Скорее всего, он пополнит ряды «бездомных», ибо лагеря были и без того переполнены, а разворачивание новых ограничивали финансовые трудности и перегруженность немногочисленных аэропортов.

Вместе с тем, с приходом отца Василия количество смертей резко уменьшилось, а люди, выгребаемые из-под завалов, чувствовали себя удивительно хорошо для тех, кто пролежал под камнями не один день. Больные и раненые поправлялись значительно быстрее. Опытные спасатели и врачи лишь пожимали плечами, и только главврач, увидев отца Василия, еще более весело, чем обычно, оглашал мысль:

– Вот это я понимаю «с Божьей помощью»! Вас, батюшка, вообще везде возить надо с собой. Как талисман.

В ответ святой отец скромно улыбался.

Василий «крутился» целыми днями, так что к вечеру с трудом доползал до своего спального места, однако никогда до этого он не чувствовал себя столь нужным, как сейчас. Чуть свет он выбирался из своего спального кокона и перелетал с объекта на объект, от одной работы к следующей – туда, где он был нужнее всего. В своей церкви он окрестил несколько новорожденных и несколько новообращенных христиан; беседами через переводчика поддерживал людей; даже сдал кровь для женщины, которой раздробило ногу. И не знал он покоя, и не хотел его. Несмотря на усталость и тяготы, Василий был здесь почти счастлив. Счастлив, потому что даже одним только своим присутствием помогал десяткам, сотням тысяч пострадавших. Почти – потому что все же были погибшие, сироты, еще не все имели кров и средства к существованию.

Но он даже понятия не имел, что происходит, стоит выйти за пределы влияния миссий спасателей, зачем такая усиленная охрана лагеря. Об этом он не задумывался, пока в лагере не произошёл ряд событий, повлиявших на судьбу всего человечества.

Глава VII

Уже давно закатилось за горы солнце, оставив землю на произвол мрака. Вечерний воздух наполнился множеством звуков, уже не раз слышанных, но всё ещё непривычных и загадочных. Огромная луна, пользуясь очистившимся от туч небом, с любопытством смотрела вниз на успехи, которых за день добились люди. Со стороны города яркими островками света, излучаемого прожекторами и фарами, выделялись места, где спасатели продолжали свою работу даже ночью. В ночном лагере жизнь тоже не останавливалась: некоторые палатки подсвечивались изнутри горящими лампочками, а по территории еле слышно перемещались люди, вполголоса обсуждая дела насущные. И только редкие проезжающие автомобили и не думали скрывать своё присутствие.

В этот час не спал и Василий. Завершив службу, он вышел из церкви, трижды перекрестился с поклоном и широко зашагал в свою палатку, размышляя об увиденном и сделанном за сегодняшний день. Проходя мимо склада, он не сразу услышал шум, зародившийся где-то там, среди бесконечных рядов ящиков, бочек и коробок.

Сначала это был всего лишь грохот одиноко упавшего сверху ящика. Затем послышались крики вооруженной охраны и на землю повалились целые стопки таких же ящиков, раскалывающихся о землю. Одиночный выстрел и последовавший взрыв гранаты вернули Василия на землю. Он остановился, как вкопанный, и повернулся лицом к забору. В ответ на взрыв раздалась короткая автоматная очередь, затем еще одна подлиннее, потом два автомата вместе. Через несколько секунд друг друга заглушали не меньше восьми автоматов, винтовок и пистолетов. Стрельба велась совсем рядом, примерно в тридцати метрах, но Василий стоял в полный рост, замороженный стрельбой, как кролик, загипнотизированный прыжками мангуста. Кто-то крикнул ему: «Ложись», – но стрельба заложила уши священника, и он не слышал ничего более.

Скоро количество стрелков сократилось, а сам огонь уже не был таким шквальным и беспорядочным, каким казался в самом начале. Еще через минуту все затихло, звуки выстрелов прекратились так же внезапно, как и возникли. Наступила звенящая тишина, казалось, что стихла вся Азия, и только крики охранников доносились из-за забора.

К центральному въезду на склад стягивались разбуженные люди. Подъехал военный джип, из которого выскочили офицер и двое солдат. Офицер что-то громко крикнул охранявшим въезд военным и в сопровождении своего конвоя стремительно скрылся на территории склада. Четверо медиков попытались проследовать с носилками за ними, но охрана жестом остановила их. У солдат были растерянные лица, и они постоянно оглядывались. Похоже, что происшествие на складе тоже было для них загадкой.

Минуты тянулись. Природа начала отходить от шока: снова затрещали, запели насекомые, снова издали донеслись пронзительные крики птиц, и ветер, набравшись смелости, принялся раскачивать травы и ветви деревьев. Среди людей тоже уже слышались переговоры и звучные распоряжения начальства.

Первым из склада вышли два охранника. Один из них прикрывал рукой левое ухо – из-под руки текла кровь. Второй шел справа от него и аккуратно придерживал своего товарища за плечо. Пострадавшего усадили на землю недалеко от входа – врач начал его осматривать.

Затем под руки вывели другого человека – по-видимому, одного из нарушителей – в шортах и рубашке с коротким рукавом. Человек был бос, его поджатая правая нога также была окровавлена. Стараясь поспеть за быстро идущим конвоем, он совершал широкие прыжки на здоровой ноге, повисая в эти моменты на руках охранников. Вид у нарушителя был напуганный, казалось, что он вот-вот зарыдает. Сзади, заложив руки за спину, следо-

вал прибывший офицер. Мрачный, он с недовольством рассматривал собравшуюся толпу и изредка бросал свой суровый взгляд на спину пленника.

Человека посадили недалеко от раненого солдата и позволили врачам осмотреть его. Офицер не стал дожидаться, пока медики закончат свое дело, а, встав напротив пленного, приступил к допросу. Преступник почти неотрывно смотрел на свою рану, лишь на мгновение переводя свой жалкий взгляд на офицера. Отвечал он тихо, постанывая, запинаясь и делая долгие паузы.

Вскоре к ним подошел Балкин и представился через переводчика, хотя это было излишним – полковника здесь знала каждая собака. Переводчик – невысокий местный студент, который частенько подменял штатного переводчика – не был профессионалом, поэтому всегда очень волновался и говорил с сильным акцентом, старательно произнося каждое слово.

– Госьподин капитан говолит, сьто эти люди попали в скляд, – отвечал он за офицера. – Когда охлана их насыля, они блосать... Блосили гланата и начали стелять. Их била семь человек: тли безяли, еще тли убили охлана.

– Они кто? Откуда у них оружие? – встревожился полковник.

– Госьподин капитан говолит, сьто недалеко взолвался военный склады. Олужие... Летело... Воклуг далеко. Много его собилают. Есё много воклюг... Повстанцы. Госьподин капитан говолит, сьто их пледупледили, недавно воолузонные люди напали на английский спасателя. Там убили два человека. Поэтому они усилили охлану.

Как бы в подтверждение вышесказанного, солдаты начали выносить тела убитых и складывать в сторонку. Видимо, испугавшись, что его примут за простого разбойника, пленный начал громко рыдать, протягивая руки к офицерам, моля о пощаде. Переводчик продолжал переводить:

– Он говолит, сьто он не убийца, у них нет дома. У него семья. У него тли дети. Ему нечем их колмить... Ему пледложили пойти за плодуктами и он пошел... Он не стлелял. Ему сказали, сьто все будет холосо. Он плосит отпустить его, потому сьто его семья голодиный... Он не знает, как они будут жить, если его алестуют.

Арестованный окончательно сник и зарыдал.

Увидев недалеко от себя святого отца, полковник покинул общество капитана и встал возле Василия. Они стояли молча, грустно наблюдая за тем, как солдаты вынесли второго, третьего убитого, как подъехала полицейская машина, как затолкали в нее арестованного. Стояли, слушая комментарии окружающих, наблюдая за той суетой, что поднялась вокруг этого события. Стояли, когда все начали расходиться.

Наконец полковник прервал молчание, печально отметив про себя:

– Мда... Вот оно как в жизни бывает.

– Господи, прими их души грешные, – тихо произнес Василий.

От этих слов полковник стал пунцовым. Он повернулся к священнику лицом и некоторое время возмущенно тарачился на него.

– Грешные?! Да что Вы несете, святой отец? – наконец, взорвался он. – Вы знаете, что этим людям пришлось перенести? Не знаете! Откуда Вам знать? Вы, батюшка, хоть раз были в их шкуре?! Вы вообще в состоянии их понять?! Это вам не семинария, итит вашу... А я за свою жизнь посмотрелся на все это выше крыши! И я их понимаю!

Окружающие с изумлением смотрели на Балкина. Те, кто уже успел вернуться в свои палатки, снова вылезли из них. А полковник продолжал:

– Господа своего вспоминаете! А почему все это произошло?

– На все воля Божья... – только и нашелся сказать Василий. Он был ошарашен такими неожиданными переменами в полковнике, и к тому же это был, наверное, первый случай в его жизни, когда на него кричали, а к этому Василий был не готов.

– «Воля» или «произвол»? Одно уточнение, святой отец.

– Господь знает о всех наших нуждах, но он заботится в первую очередь о душе... Все ради нашего спасения... – священник говорил сбивчиво и тщетно пытался выискать в голове доводы.

– О чьих душах он печется?! – громко оборвал его полковник. – Это, значит, он вот так к спасению ведет? Или он о наших душах печётся? – Балкин обвел пальцем лагерь спасателей. – Так о них беспокоиться нечего. Я лично, батюшка, 20 лет людей из-под завалов да из воды вытаскиваю. То, что я мог этим искупить – уже искупил.

Полковник отвернулся в сторону, словно закончил речь, но уже через секунду продолжил, на этот раз говоря тише, но напряженнее.

– Вот скажите мне, святой отец, о каком спасении души может идти речь, когда мать теряет своего ребенка? Когда она руки на себя готова наложить? Уж не хотите ли вы сказать, что она за это должна Бога благодарить? А здесь? Ведь и воровство, и мародерства, и убийства, и все остальное, что здесь происходит не от жиру, а оттого, что людям элементарно жрать нечего!

Священник стоял молча, а Балкин, выпустив пар, закончил свой монолог минорным тоном:

– Бросьте, святой отец. Свои проповеди оставьте бабушкам со свечками, а мне этого не надо. Идите к себе. Спокойной ночи.

Он стремительным шагом направился в направлении штаба. Ему было стыдно за то, что он сорвался и поэтому хотел поскорее скрыться с глаз. Какой-то человек подскочил к нему со своей бумаженцией – полковник только мельком взглянул на документ и снова разразился криком, выясняя, где тот целый день шлялся, и требуя, чтобы каждый занимался своим делом и в положенное время. Но всё же подпись поставил и в еще более скверном расположении духа удалился в палатку.

Василий стоял и, глядя на покойных, обдумывал слова полковника. Тела лежали рядком, ничем не прикрытые. Скучный свет от лампочки, освещавшей въезд на склад, почти не захватывал их, но луна неплохо справлялась с этой задачей сама. В картине этой ничего примечательного для него уже не было: каждый день он видел подобную картину. Чувствительный до чужой боли Василий уже привык к ней. Нет, ему не было наплевать на все эти жертвы, но он был как лесник, углублявшийся в былые дебри сгоревшего леса – сначала мучительно страдавший от вида почерневших голых стволов, но постепенно свыкнувшийся с печальным зрелищем, более не терзая себя поминутным осознанием случившегося. Жалеть нужно было живых. Ведь именно им сейчас приходилось труднее всего.

Взгляд священника зацепился на теле справа: среди тёмных ночных красок оно выделялось своей одеждой – желтоватой, как потускневшее солнце. Святой отец медленно подошел к убитому и взглянул в его лицо. Как и в тот памятный день перед ним с закрытыми глазами лежал паренёк – тот, которого нашел Василий под обломками.

Василий тоскливо глядел на него, а в голове его блуждала мысль о том, что весь его дар, все чудеса медицины здесь ничем не помогут. Ведь они ровным счётом ничего не меняли. Спасённые люди продолжали страдать и гибнуть. «Хорошо. Теперь его жизнь в безопасности...» – вспомнились слова врача.

«Какая чушь!» – подумал священник и поднял к небу глаза.

– Господи, за что ты меня так испытываешь?

Василий залез в палатку и попытался уснуть, но сон не шёл. Повертевшись час, он выбрался наружу и прошёлся по лагерю между палатками. Свежий воздух придавал легкость дыханию и мыслям. Василий пошёл в другую сторону, сделал крюк, вернулся назад. Сна так и не было, а возбуждение только возрастало. Проходя мимо склада, Василий замедлил шаг и, глядя на забор, попытался представить жизнь людей, вынудившую их пойти на этот поступок. Странно, но до этого сытый, одетый, согретый и имеющий кров хотя бы в виде

палатки, он наивно полагал, что этим же обладают все, что нужно только извлечь тех, кто ещё остается под завалами, и жизнь сама вернётся в прежнее русло. Добродушие и открытость жителей, их вечерние развлечения обманули его. Жизнь оказалась сложнее и коварнее. Ветхая лачуга – лачуга идей, в которой «страдания очищают человека», лачуга, в которой он искал приют от размышлений – эта лачуга разлетелась. Разлетелась, как картонный домик от резкого порыва ветра.

Тел уже не было. У въезда на склад под фонарем стояли Балкин, Исаков, завскладом и еще пара каких-то людей, которых Василий до этого видел лишь мельком. Они смотрели в журналы, тыкали пальцами в строчки и подсчитывали ущерб от инцидента. Рядом были сложены ящики, банки, тряпки, агрегаты, видимо, требовавшие ремонта или списания. Балкин, как обычно, слушал и смотрел в бумаги скучающим взглядом. Увидев прогуливающегося Василия, он отдал журнал Исакову и направился к священнику.

– Я прошу извинить меня за сегодняшнее, – сказал он. – Просто сорвалось.

Василий понимающе кивнул головой. Полковник пошел с ним рядом.

– Просто... Просто вчера был на совещании, там нам ситуацию обрисовали. В целом. Ну и в нашем регионе тоже. Вот и сорвался. Никогда со мной такого не было.

– Но ведь Вы же говорили, что операция очень успешная.

– Так-то оно так, – поморщился полковник, – но видите ли... Вытащить из-под руин – это одно, но пострадавших нужно накормить, обеспечить каким-никаким жильем, медицинским обслуживанием. А это мы сделать не можем: регион слишком большой и пострадавших много.

Он помолчал, а затем продолжил, как бы отвечая на вопрос священника:

– Лагерь. Что лагерь? Лагерь не может охватить и десяти процентов населения. И это еще здесь, в крупном городе, а в глубинке дела хуже. Туда мы еще не добрались. Народ перешел на подножный корм, охотится на всё, что движется, – он сорвал какую-то длинную былинку и с размаху стегнул ею под ногами. – Ну, а сколько мы можем кормить? У нас ведь запасы тоже не бесконечные. Ну, покормим мы эту ораву еще месяц, другой. Потом всё. А когда еще следующий урожай созреет? Да и хватит ли его на всех? Вот и получается: сегодня выкапываем, а завтра их обратно в землю закапывать будут. Хотя нет, они же кремируют... Ох.

Он тяжело выдохнул, и они еще немного прошли молча, затем Балкин извинился и вернулся к своим обязанностям, а Василий опять погрузился в мысли и пошел дальше, особенно не разбирая куда. Душа его требовала простора. Он вышел, почти выбежал из лагеря, но и там, в разрушенном пригороде, было слишком тесно. Неприятное ощущение давило грудь и душило его. Стремительным шагом он направился прочь от города, и только когда перед ним открылся простор долины, он остановился, и тревожные мысли покинули его.

Перед ним открылся поразительный по красоте пейзаж, не восхититься которым было невозможно. Лунный свет ярко освещал долину и буддистские ступы, стоявшие возле дороги, особенно одну, ближайшую к священнику – высокую и покрытую золотой краской. И этот магический лунный свет, и красота ступы, и контрастные очертания гор, и простор раскинувшихся рисовых полей, и темные курчавые кроны деревьев вокруг, и даже пронзительный крик птиц – всё вмиг изменило его душу. Еще мгновение назад он был близок к отчаянию, и вот Величие Мира, Величие Жизни раскрылись перед ним в полной мере. Он чувствовал такое воодушевление, как если бы перед ним с небес спустился Христос. Василий рухнул на колени со слезами на глазах, и из уст его полились молитвы. Это были молитвы, вытекавшие из ран его сердца, в них он просил за умерших и за тех, кто выжил, за всех людей на Земле, живущих и еще не рожденных, за больных и здоровых, за богатых и бедных. Он умолял прекратить людские страдания и помиловать их.

В самый разгар его молитвы раздались раскаты грохота. От испуга Василий вздрогнул и вскочил на ноги. Увиденное зрелище изумило его еще сильнее, чем лунный пейзаж: на фоне чистого неба среди полей из земли вырывались яркие молнии! Взвившись вверх, они растворялись в воздухе, а место, откуда они появлялись – небольшой пятачок диаметром в два метра – искрило, как бенгальский огонь. В центре этого пятака стоял, как сперва показалось Василию, невысокий столб, но через несколько секунд разряды прекратились, и «столб» качнулся и двинулся к нему.

Сердце Василия продолжало колотиться, в голове была путаница из-за всех душевных потрясений, приключившихся с ним за этот вечер. Он даже подумал: не чудится ли ему всё это? Но «столб», тем временем, приближался, и становилось ясно, что это человек. Вода и зелень на рисовом поле почти скрывали его ноги и замедляли его шаг. Он шел неторопливо, размеренно, зацепив руки большими пальцами за пояс и прижав локти плотно к телу. Человек вышел из болота и пошел быстрее уверенной походкой. Остановившись в десяти метрах от священника, человек попытался сделать еще шаг, но что-то как будто мешало ему.

– Can I help you? – спросил Василий. Английский он знал не очень хорошо, но местного языка он не знал вообще. Аборигены, в свою очередь, не знали русского, а вот на смеси английского и языка жестов иногда удавалось наладить кое-какие контакты.

Пришелец молчал, и священник сделал несколько шагов к нему навстречу. Луна осветила фигуру незнакомца: это был невысокий человек, имевший, как пишут в протоколах, «славянскую внешность», был он одет в армяк, под которым виднелась изодранная темная, скорее всего красная, косоворотка. Снизу на нем были широкие шаровары, прожженные в нескольких местах и заправленные в истоптанные сафьяновые сапоги. За широким желтым поясом пришлого красовался огромный изогнутый кинжал. У него были прямые недлинные волосы каштанового цвета и окладистая аккуратно постриженная борода. Лицо ночного гостя выражало смирение, даже вину, но еще более несчастным его делала поразительная бледность – такая бледность, какой отцу Василию отродясь не доводилось видеть.

– Доброй ночи, – на чистом русском ответил пришлый и еле заметно поклонился.

Священник насторожился: он чувствовал какую-то необъяснимую опасность, но, тем не менее, выдержал паузу и снова спросил:

– Могу я Вам чем-нибудь помочь?

Мы оба можем помочь друг другу, отец Василий. Да, я Вас знаю, – прочитал удивление на лице священника незнакомец. – Поверьте, там, откуда я прибыл, вы весьма известны.

Кто Вы?

Я – бывший разбойник Яков Афанасьев, – представился незнакомец, – но чаще меня называли Яшка Каин, и вся Волга дрожала при упоминании моего имени. В свое время я загубил много душ и за это жестоко поплатился: все кончается, пришел конец и моей жизни, а за нее мне было уготовано место только в аду. Правда, за прижизненные «заслуги» я у Сатаны на особом счету, но всё же ад – это ад.

Яков рассказывал свою жизнь как поэму – похоже, он долго готовился к этой встрече. Закончив, он тяжело вздохнул и смиренно опустил взор. Все в нем было напускное: и слова, и жесты, и выражение лица.

– Так Вы... Призрак? – недоверчиво спросил Василий, вглядываясь в него: Яков не светился, не был прозрачным и, если бы не бледность, то легко мог бы сойти за обычного человека.

– Ммм... Не совсем. Призраки – это неприкаянные души, а я к вам из ада. У меня есть плоть, оболочка, но она ничего не чувствует, ей не нужен воздух, и сердце в ней тоже не бьется.

– Зачем же она? – в растерянном недоумении спросил отец.

– Ну, в ней меня все видят, все слышат, а не только избранные. Оболочка, что... Пустое, вот вдохнуть в нее жизнь – это уже проблема. И это, как раз, относится к делу.

– И какое у Вас ко мне дело?

– Я краешком уха слышал, что вы только что просили у Господа для людей освобождения от всех страданий. Я бы мог Вам в этом подсобрать.

Отец Василий насторожился сильнее. В словах разбойника чувствовался подвох.

– В ад попадают не только разбойники с большой дороги, но и вполне умные люди. Там у них неограниченное время для размышлений и неограниченные возможности познать всю сущность материи. Некоторые приобретают ученость, с которой не сравнится ни одна академия наук. В тайне от Хозяина я уже объединил несколько таких умов и готов представить хоть сейчас плод их совместного творчества – совершенные знания, которые спасут людей от всяких бедствий. Представьте себе, я дам людям то, до чего они еще не скоро дойдут собственным умом, и избавлю их от страданий уже сейчас: от нужды, войн, голода, болезней. Всего этого больше не будет!

Священник задумался.

– Что Вам нужно взамен?

– Я хочу выйти из ада, – Яшка приложил свою правую ладонь к груди и умоляющими глазами посмотрел на священника.

– Но как я могу Вам помочь?!

– Вы на особом счету у Бога, – разбойник заговорил тихо, словно боялся, что его могут подслушать. – Уж не знаю почему. Так, может быть, если вы замолвите за меня словечко, он и вытащит меня из преисподней?

– Неужели, Яков, Вы действительно думаете, что Он вот так возьмет и впустит Вас на Небеса?

– Да я не прошу меня в рай забрать! Я понимаю, что грехи меня туда не пустят. Я прошу, чтобы он оживил эту плоть, чтобы я получил второй шанс, а я уж искуплю свою вину и в назначенный час предстану пред ним чистым! Уж теперь-то я знаю, что почём.

Святой отец серьезно задумался. От Дьявола и его сторонников можно было ожидать чего угодно, но уж очень искренними показались последние слова Яшки Афанасьева.

– Решайтесь, – торопил священника разбойник. – Я не могу долго отсутствовать. Хозяин может меня хватиться в любой момент, и тогда мне несдобровать.

– Это сложное решение, – сурово ответил священник. – А каковы гарантии, что Вы не обманете?

– Мы заключим договор. Нерушимый договор.

Священник вновь задумался:

– Значит, я молю Господа, чтобы он вновь вернул Вас к жизни, а Вы предоставляете миру научные чудеса. Так?

– Так.

– Это все условия? Больше ничего нет?

– М-м-м... Есть еще одно, – помявшись, сознался разбойник. По всей видимости, он совсем не хотел говорить об этом. – Природа не терпит пустоты, а посему, когда я покину преисподнюю, мое место должны будете занять Вы.

Священник выпрямился и напрягся от макушки до пальцев ног: так вот оно что! Дело приобретало иной оборот. Признаться, еще минуту назад он готов был идти за людьми хоть в пекло, и вот ему представилась такая возможность, но он был уже не уверен, что хочет этого. И не потому, что боялся адских мук (вернее, не только поэтому), но потому, что сама сделка казалась ему подозрительной.

– То есть Вы предлагаете мне продать душу?

– Акстись! – воскликнул Яков. – Мне-то зачем твоя душа? Мне бы свою спасти.

– Нет, – категорично ответил Василий после небольшого раздумья.

– Что такое? – недовольно спросил «беглец», словно Василий изводил его своими капризами.

– Я не могу претендовать на изменение порядков, установленных Господом. Раз все так происходит, значит, на то Его воля.

– Вот оно, поповское мракобесие! – негодовал Яков. – Выходит, всё, что придумывали ученые мужи с начала времен – это «изменение порядков»? Я ведь предлагаю всего лишь изобретения! И за что? Только за второй шанс.

– Нет, – повторил Василий.

Яков некоторое время с ненавистью смотрел на священника, возмущенный его упорством, но затем взял себя в руки и заключил:

– Ладно. Думай пока. Я еще приду за ответом.

Разбойник развернулся и быстро пошел назад. Через несколько шагов трава вокруг него вновь заискрилась, и молния, вырвавшись из земли, ударила в Якова, не оставив от него ни следа.

Глубоко потрясенный священник побрел в палатку. Весь следующий день он находился под впечатлением от этой необычной встречи. А затем начал раздумывать о правильности своего решения. И чем больше он думал, тем сильнее крепла в нем уверенность в собственной правоте. В конце концов, в нем даже зародилась гордость, что он устоял перед таким действительно дьявольским искушением.

Глава VIII

Так прошла неделя. Город к этому времени уже был практически разобран, и отряды готовились к завершению этого этапа работ. А между тем вооруженные нападения стали происходить чаще. Больше всего от разбойничьих групп страдали «бездомные», но, собравшись в крупные банды, разбойники отваживались нападать и на колонны с провизией. Теперь колонны сопровождал усиленный военный конвой, а лагеря спасателей охраняли «голубые каски». И, тем не менее, угроза вооруженного нападения постоянно висела Дамокловым мечом и увеличивалась день ото дня.

Помимо нападений, в окрестностях города то там, то здесь возникали вспышки заболеваний. Сотрудники МЧС и местная наемная сила вынуждены были целыми днями ходить в марлевых повязках, снимая их только во время еды и сна.

Но были и положительные моменты: восстановили много дорог и пару дополнительных аэропортов, а, значит, улучшились поставки. Лагерь пострадавших вырос почти вдвое, вместе с ним увеличился приход отца Василия. Во время служб походная церквушка набивалась так, что нельзя было и продохнуть, но и в таком состоянии она не вмещала и половины всех прихожан – большинство верующих выстаивали службу снаружи, внимательно прислушиваясь к доносящимся песнопениям отца Василия. Среди них были и православные спасатели, и местные католики, и новообращенные, и даже буддисты.

И вот как-то утром, после окончания каждодневной утренней службы, когда народ уже начал выходить из палатки, снаружи донесся гул негромких разговоров. Василий вышел – толпа расступилась перед ним. На земле без сознания лежала худощавая местная женщина лет тридцати пяти. Василий знал её: она работала при госпитале и, не понимая ни слова по-русски, частенько слушала службы и проповеди, а недавно окрестилась, изменив свое имя на Мария Мин.

Она лежала на земле, и голову её приподнимали чьи-то руки. Появилась врач и сунула ей под нос ватку с нашатырем – женщина немного отпрянула, приоткрыла пустые усталые глаза и ослабевшей рукой попыталась отодвинуть от себя руку врача.

– Я знаю её, это Мария, – сказал кто-то в толпе. – Она при госпитале работает. Семья у нее большая, а муж погиб. В лагере им места не досталось, так чтобы детей кормить, она днем у нас санитаркой работает, а вечерами – прачкой.

– Когда же она спит?

– А Бог её знает.

– Нужно отвести её в госпиталь, – серьезным тоном заключила врач.

Отец Василий вызвался помочь, и они втроем осторожно двинулись к госпиталю, периодически останавливаясь по пути, когда от головокружения Мария валилась на руки сопровождающих.

В госпитале в этот ранний час царило оживление: здесь стоял десяток крытых «Уралов», среди которых только два имели на своих бортах красные кресты, остальные же являли собой обычные грузовики, какие использовали для перевозок. Между палатками и «Уралами» бегали поджарые смуглые грузчики и забрасывали в кузова какие-то коробки. Рабочие в это время раскатывали по земле новые палатки.

Навстречу троице вышли главврач мобильного госпиталя и подполковник Исаков. Они о чем-то озабоченно говорили, но, увидав священника, Исаков приободрился и указал на него:

– А вот отца Василия берите с собой.

– Отец Василий, поедете с нами санитаром, – не то спросил, не то констатировал главврач.

– Всегда готов. А что случилось? – спросил священник.

– Мелиоидоз, – спокойно ответил Исаков, словно говорил о простуде. – Какой-то особый штамм.

– К востоку нашли деревушку «бездомных», – добавил главврач. – Надо осмотреть жителей, больных госпитализируем. Мне позарез нужны помощники, а приходится еще оставлять людей, чтобы встречу организовали. Сам еду.

– Конечно же, я с вами!

– Ну и ладушки. Залезайте сюда, скоро отправляемся.

Василий бегом переоделся и, вернувшись, привычно заскочил в кузов. Кузов не был оснащен скамьями, и Василий уселся прямо на полу возле кабины, а чтобы в поездке не биться головой, снял рубашку и, свернув, проложил за затылком.

В кузове уже сидели два местных работника, один из них – здоровый молодой парень с непропорционально маленькой головой – сидел у кабины, вольготно раскинув ноги и занимаемая почти полкузова. Другой – сухой, но крепкий старик – скромно примостился в стороне и тихо напевал себе что-то под нос приглушенным марлевой повязкой голосом. Через минуту в кузов заскочил молодой солдат и серьезно, даже сурово, осмотрел присутствующих. Он снял штурмовую винтовку с плеча и устроился возле выхода. Грузовики заворчали и двинулись в путь.

Дорога была долгой, но не утомительной. Заросшие густым лесом крутые горы, рисовые террасы, быстрая широкая река – всё это увлекало взор Василия, который дальше города почти не выходил. Он бы пересел ближе к выходу, но знал, что солдат этому помешает, и поэтому довольствовался теми видами, что открывались ему сзади. Неудобства доставляли только бесконечная тряска на раскатанной бугристой дороге и духота.

Как только «Уралы» покинули пределы лагеря, здоровяк стянул с лица марлевую повязку, уронил голову на грудь и уснул. Старик всю дорогу так и просидел на корточках, напевая песни. Глядел он, в основном, на пальцы своих ног, изредка бросая недоверчивые взгляды на священника, либо философски рассматривал голубое небо. Конвоир не обращал ни на кого внимания и сохранял чрезвычайную бдительность, периодически высовываясь из кузова и озираясь по сторонам. Винтовку он держал на изготовку, словно вот-вот ожидал нападения, а когда старик попытался пересесть ближе к выходу – громко прикрикнул на него и жестом велел вернуться на своё место.

Часа через три грузовики добрались до места назначения. Это оказался разрушенный городок, до которого ещё не добралась ни одна международная спасательная команда. На руинах городка стояли несколько сотен домов, но только десяток жилищ представляли собой постройки в традиционном понимании этого слова, остальные же: шалаши, тенты, палатки и прочие сооружения – были возведены на скорую руку из подручного материала. Было здесь и несколько палаток с символикой Красного Креста. Как они здесь оказались, оставалось только догадываться.

Деревушка казалась вымершей, однако стоило грузовикам остановиться на её окраине, как их тут же окружили десятки жителей. Полагая, что привезли продовольствие, изголодавшиеся люди напролом лезли в кузова, не столько стремясь поскорее получить свой паёк, сколько опасаясь, что им ничего не достанется, и солдатам потребовалось немало усилий, чтобы сдерживать их натиск.

Между тем, врачи разделились на группы и приступили к осмотру деревни. Обходя жилища по порядку, они обнаруживали почти в каждом одного, а то и двух-трех больных. Больные лежали на кусках ткани, заменявшей им постель, или на бедной подстилке из сухой травы. В лихорадке, с обильным кашлем, учащенным дыханием, с сыпью по всему телу, с гнойниками и нарывами, они были во власти болезни и редко хоть как-то реагировали на врачей. Сильный озноб, кровь из носа, кровавая рвота... Зрелище это вызвало у священника

такой же всплеск сострадания, как и первая встреча с разрушенным городом. Порой отцу Василию казалось, что у него самого поднимается температура, и он теряет сознание.

А главврач привычно ходил с переводчиком и медсестрами от постели к постели. Впервые за все время Василий видел его не задорным, а очень серьезным. Медсестры спешно записывали на бумажках термины, которыми он сыпал, шариковыми ручками указывали рабочим, кого нужно унести, быстро и ловко проводили процедуры.

– Так, этого в грузовик, этого тоже... Лимфангиит, обширный кожный абсцесс... Температура какая? Раствор цефтазида готов? Поставьте... У этого, похоже, тоже септическая форма – в грузовик. Дальше... На что жалуется? Голова болит? Спросите, глаза болят? Так... Так...Ещё что? Похоже, менингит – в грузовик. Пойдемте в следующий дом... Что у нас здесь? Пневмония с выраженным тахипноэ. Этому цефтазидим и имипенем-циластатин. Когда привезем – срочно на рентген, и сообщите, чтобы приготовили еще один операционный стол... В грузовик его... Регионарный лимфаденит... Множественные пустулы на коже... В грузовик... Цианоз... Гнойный артрит... Некротическая пневмония... В грузовик... Смерть от инфекционно-токсического шока...

Сначала забирали всех, затем только с острой септической формой. Больных оказалось гораздо больше, чем ожидалось, и через полчаса санитары сообщили, что больных класть некуда. Тогда всё стало ограничиваться осмотром и уколами антибиотиков. Когда закончились и они, колонна двинулась обратно.

Больные плотно лежали в кузове, и Василию пришлось на цыпочках пробираться к своему месту, аккуратно втискивая ногу между руками и ногами людей. Здоровяк снова вскоре уснул, но на этот раз в марлевой повязке, старик все также флегматично сидел у правого борта и смотрел на больных и небо. Василий завидовал им, ибо снова чувствовал беспомощность и личную вину за случившееся.

Солдат бдел. И, как оказалось, не напрасно: пока врачи обходили дома, а солдаты отгоняли «бездомных», двое мальчишек убежали в лес к вооруженным людям и сообщили, что в деревню прибыли машины, на которых привозят еду и прочие полезные вещи, но только эти вещи не раздают, а, напротив, всех отгоняют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.